

О. В. ХАВАНОВА

ЧИНОВНИЧЕСТВО В МОНАРХИИ ГАБСБУРГОВ XVIII ВЕКА СОЧЕТАНИЯ И КОНФЛИКТЫ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ

В статье реконструируются черты групповых идентичностей, объединявших и противопоставлявших друг другу административные элиты монархии Габсбургов во второй половине XVIII в., когда берет свое начало проект по конструированию наднациональной австрийской идентичности, ставшей впоследствии главной для ведущих центростремительных сил – аристократии, армии, бюрократии. Реконструкция проводится в соотнесении с образом чиновничества, запечатленного в исторической памяти – как в произведениях художественной литературы, так и в обобщающих, проблемно-теоретических исследованиях по Австро-Венгрии.

Ключевые слова: монархия Габсбургов, бюрократия, идентичности, художественная литература.

Историческая память о чиновничестве Австро-Венгрии (так монархия Габсбургов называлась в последний период своего существования с 1867 по 1918 г.) противоречива и нередко субъективна. Между тем, это был институт, который веками обеспечивал безупречное исполнение воли государя, своевременное поступление налогов в казну, соблюдение законов, интеграцию отдельных частей «лоскутной» империи в единое экономическое и правовое пространство. Одни видели в бюрократии силу, во многом создавшую и веками сохранявшую государство Габсбургов, для других – она со своей косностью стала главным препятствием на пути спасительных для страны реформ¹.

Достаточно обратиться к шедеврам австрийской художественной литературы первой половины прошлого века, чтобы обнаружить: чиновники оставили по себе как зловещую память, так и ностальгическую тоску. Такое обращение тем более не случайно, что, как точно отмечает многолетний исследователь австрийской бюрократии Вальтрауд Хайндль, сама австрийская литература была продуктом процесса бюрократизации². С одной стороны, будущих чиновников на юридических факультетах основательно учили виртуозно владеть деловым стилем, с другой – литературное творчество оказалось подлинным призванием для многих государственных служащих. Созданные в художественных произведениях портреты, описанные там коллизии – даже заведомо абсурдные или откровенно сатирические – приближают современного историка к пониманию этой социальной страты.

У Франца Кафки (1883–1924) в романе «Процесс» (написан в 1914–1915 гг.) бюрократия предстает как страшная, обезличенная сила, лома-

¹ Ясу 2011.

² Heindl 2013. S. 236–237.

ющая жизнь заурядного, не ведающего, в чем его вина, обывателя. Это люди, сидящие в плохо освещенных помещениях со спертым воздухом, говорящие загадками и ставящие жертву на грань помешательства своей бессмысленной казуистикой. Главный герой Йозеф К., загнанный в угол таинственным судом, в отчаянии восклицает: «Значит, вы все чиновники! Теперь я вижу, все вы та самая продажная свора, против которой я выступал, вы пробрались сюда разноухивать, подслушивать <...> хотели узнать, можно ли сбить с толку невинного человека!»³.

Роберт Музиль (1880–1942), создавший эпохальный роман «Человек без свойств» (работа велась с 1921 по 1942 г.), увековечил Австро-Венгрию в парадоксальном и притягательном образе никогда не существовавшего государства Какания. Имперского чиновника воплощает граф Лейнсдорф, чьи мысли и действия – доведенная до абсурда бюрократическая логика: «Инстанция номер один писала, инстанция номер два отвечала: когда инстанция номера два отвечала, об этом надлежало сообщить инстанции номер один, для чего удобней всего было провести личную встречу; когда инстанции номер один и номер два приходили к согласию, выяснялось, что предпринять ничего нельзя; таким образом, непрерывно надо было что-то делать»⁴.

Выражения «армия чиновников» или «бюрократическая машина», часто используемые при описании австро-венгерских административных элит, апеллируют к образу монолитной социальной группы, обладающей единым менталитетом, ценностными и поведенческими нормами и воплощающей наднациональное единство Габсбургской монархии. Между тем, в раннее Новое время бюрократию как разветвленный и многоуровневый институт отличала этническая пестрота, множественные идентичности и сложная иерархия локальных, этнонациональных и наднациональных лояльностей. Чиновники говорили на языках провинций, где родились или служили, и хорошо разбирались в этнокультурных типах подвластных династии народов.

Только к началу XX в., когда в двуединой монархии удалось добиться унификации законодательства и принципов администрирования, консолидации населения с помощью школы и единого языка образования и официальной коммуникации, идеальные австрийские чиновники до некоторой степени «растеряли национальное чувство и обрубили корни, вросшие в родную землю»⁵. Французский политик, отдохавший на водах в Карлсбаде⁶, спросил министра иностранных дел Австро-Венгрии графа Леопольда Берхтольда (1863–1942), кто он по националь-

³ *Кафка*. 2014. С. 55. На этот же пассаж обратила внимание В. Хайндль. См.: *Heindl*. 1991. S. 326.

⁴ *Музиль*. 1994. Кн. 1. С. 507.

⁵ *Kleinwächter*. 1920. S. 107–108. Цит. по: *Ясу*. 2011. С. 206–207.

⁶ Карлсбад – ныне Карловы Вары в Чехии.

ности – немец, венгр или чех. Тот ответил, что он – венец. Неудовлетворенный такой неопределенностью собеседник не унимался: в случае, если события примут форму открытого конфликта между национальностями, на чьей стороне он будет тогда? – Берхтольд доверительно сообщил: на стороне императора⁷.

Прежде чем стать опорой престола и силой, цементирующей двуединую монархию, чиновничество прошло сложную социальную и культурную эволюцию, меняясь вместе с государством, которому служило. Период от рубежа XVIII–XIX вв. и до начала Первой мировой войны основательно изучен в двух монографиях В. Хайндль – «Покорные бунтари» и «Йозефинские мандарины»⁸. В первой книге имперская (венская) бюрократия показана как привилегированная и одновременно – в силу приближенности к суверену – строго контролируемая часть общества. Из-за высокого образовательного ценза ее ряды пополнялись тонко чувствующими, склонными к рефлексии людьми, для которых государственная служба была доступным и привлекательным путем социального возвышения. Они верно служили облагодетельствовавшей их власти, но когда в 1848 г. началась буржуазная революция, искренне поддержали либеральные реформы. Во второй книге прежние бунтари превращаются в «мудрых мандаринов императора», вдохновленных восходящими к Иосифу II (1780–1790) идеалами служения отечеству, проникнутых чувством миссии не допустить гибели империи под ударом центробежных сил, самой разрушительной из которых являются национальные движения. Однако их претензии на особое место в государстве нельзя было в полной мере реализовать в обществе, где права и свободы граждан уже гарантировали не только справедливый государь и его неподкупные слуги, но конституция, парламент и иные институты буржуазного правового государства.

Хайндль не случайно взяла в качестве нижней границы период правления Иосифа II, когда в ходе радикальных преобразований в духе просвещенного абсолютизма чиновники из государевых людей стали превращаться в слуг государства в современном смысле слова. Для этого и последующих периодов сохранились многочисленные, весьма разнообразные архивные и опубликованные источники, позволяющие реконструировать профессиональный этос, взаимоотношения этой страты с верховной властью, двором, дворянской и буржуазной средой. Между тем, процессы, которые она относит к 80-м годам XVIII в., часто берут свое начало в предшествующих десятилетиях. Кроме того, выбранная ею перспектива – высшая имперская бюрократия – оставляет вне поля зрения многие нюансы, которые были свойственны полиэтничному, а со временем, можно сказать, многонациональному государству Габсбургов.

⁷ Цит. по: *Godsey*. 1999. P. 89.

⁸ *Hendl*. 1991; 2013.

В данной статье предпринята реконструкция идентичностей, которые были свойственны чиновничьим элитам во второй половине XVIII в. В это время – для сохранения территориальной целостности владений Австрийского дома, вынужденного вести непрерывную череду войн – был наведен порядок в финансах и повышена собираемость налогов, административные полномочия и компетенции последовательно перераспределены от отдельных земель в пользу центра. В промышленности и торговле сняли ненужные ограничения и внутренние таможенные барьеры, мешавшие свободному развитию единого экономического пространства. Источником пополнения армии стали регулярные рекрутские наборы в соответствии с утвержденными для каждой провинции квотами. Всем подданным был гарантирован доступ к бесплатному начальному образованию. Ни одну из перечисленных выше реформ нельзя вообразить, если бы ее бесперебойный ход не обеспечивали тысячи чиновников, переводивших волю монарха на язык инструкций и предписаний, следивших за их неукоснительным исполнением. Достаточно упомянуть, что за годы правления Марии Терезии (1740–1780) доходы казны их стараниями возросли в два с половиной раза⁹.

По подсчетам британского историка П. Диксона, приблизительная численность государственных служащих в рассматриваемый период достигала 11 тыс. только в центральных ведомствах (включая Австро-Чешские наследственные земли, Венгерское королевство, а после 1772 г. еще и Галицию)¹⁰. В 1782 г. в Вене проживало более 3 тыс. чиновников, а к 1810 г. их уже было около 4,5 тыс.¹¹ Уроженцы разных стран, выходцы из разных социальных слоев, обладатели часто несхожего профессионального опыта, они вступали в ряды чиновничества с уникальным набором лояльностей и идентичностей. Но при всей в то время еще не сгладившейся разнице между управленческими коллегиями в разных землях и провинциях, они постепенно превращались в единую профессиональную корпорацию с одинаковыми правами и обязанностями.

Оценка исторической роли бюрократии неразрывно связана с отношением – в общественном мнении и ученом сообществе – к самой Габсбургской монархии. В разные времена в ней видели как воплощение идеи Соединенных Штатов Европы и предтечу Европейского Экономического Союза, так и «тюрьму народов», где лишенным статуса коллективного субъекта этносам отказывали в праве на самоопределение и реализацию своих национальных чаяний. На понимание причин ухода Австро-Венгрии с исторической сцены большое влияние в XX в. оказал венгерский социолог и действующий политик периода революций 1918–1919 гг.

⁹ *Klingenstein*. P. 158.

¹⁰ *Dickson*. 1987. Vol. 1. P. 308.

¹¹ *Pezzl*. 1812. S. 153.

Оскар Яси (1875–1957). В 1919 г. он покинул страну и с 1925 г. жил и преподавал в США, где написал свой классический труд «Распад Габсбургской монархии» (1929). В нем он причислил чиновничество к шести основным центростремительным силам, наряду с династией, аристократией, армией, католической церковью и крупным капиталом. Каждая из них, писал автор, «представляла в старой монархии некую наднациональную тенденцию, подчеркивая единство империи и наличие общих целей в противовес национальному сепаратизму и партикуляризму»¹². На страницах его книги бюрократия становится объектом критического разбора. Как подлинное творение Габсбургской династии, считал Яси, она ставила себе целью уничтожение любых проявлений национального партикуляризма и серьезных проявлений местных автономий. Для характеристики чиновников как социальной и профессиональной группы он выбирает такие выражения, как «твердолобость», «холопское, механистическое отношение к делу», «высокомерное невежество». Он приписывает им «возмутительную лень», «неповоротливость» и «отсталость». Обвиняет систему в том, что «протекционизм двора и высшей аристократии привел в государственные учреждения множество непригодных людей», а переход талантливых управленцев из государственной администрации в управление промышленными предприятиями открывал дорогу недобросовестному лоббированию интересов частных компаний¹³.

Впрочем, при всем негативном отношении к вездесущей и всемогущей бюрократии, Яси был вынужден признать, что она до самого кануна Первой мировой войны в массе своей успешно справлялась с возложенными на нее управленческими функциями и не была заражена коррупцией. «Попадались среди государственных служащих и люди действительно способные, зачастую весьма образованные. В министерствах можно было встретить хорошо известный тип начальника отдела – *Sektionschef*, который со свойственной ему энергией успешно служил примером постоянства, объективности и справедливости»¹⁴. В самом деле, о разносторонности и образованности среднестатистического чиновника можно судить, например, по воспоминаниям Кафки о его непосредственном начальнике Роберте Маршнере. В одном из писем к невесте Фелице Бауэр писатель живописал, как они с шефом, склонившись над книгой, читали в его рабочем кабинете стихи Гейне, в то время как в приемной нетерпеливо ожидали служащие, начальники отделов, сторонние посетители, пришедшие по неотложным делам¹⁵.

Предлагаемый О. Яси социологический диагноз, почему высокоорганизованная и прекрасно образованная бюрократия оказалась не в состо-

¹² Яси. 2011. С. 170.

¹³ Яси. 2011. С. 207–209.

¹⁴ Яси. 2011. С. 210.

¹⁵ Белобратов. 2014. С. 292.

янии противостоять центробежным тенденциям, местами весьма точен. Не один век Габсбурги стремились к тому, чтобы их пестрые провинции и королевства скрепляла поверх внутренних административных границ надежная и лояльная бюрократия, которая «в полной мере работала под руководством династии и подчинялась ее воле». Возникшая таким образом система была направлена на уничтожение любых проявлений «национального партикуляризма и серьезных попыток создания местных автономий». По мере того как национальное сознание народов монархии начинало вступать в противоречие с государственной идеей Габсбургов, в ряды чиновников стали просачиваться представители новой интеллигенции отдельных народов. С ростом национальных тенденций они открыто перешли на сторону национальных движений. Старая гвардия не была в состоянии долго противостоять нападкам коллег, сочувствовавших своим соплеменникам, а «последние в своем неукротимом национализме все чаще думали о приближении последнего часа, когда их народы создадут собственные государства со своим бюрократическим аппаратом»¹⁶.

Важное место в рассуждениях Яси и его единомышленников занимает концепт «австрийскости» как некоей мертворожденной наднациональной идеи, идеологии, идентичности. Публицист Фридрих Клейнвехтер (1877–1959), к сочинению которого апеллирует венгерский социолог, писал: «Идеальный австрийский чиновник прекрасно говорит по-немецки, но никаким национальным самосознанием не обладает, будь он даже немцем по рождению. Беззаветно, без каких бы то ни было критических проявлений, он служит слепым орудием династии <...> “австрийскость” – это отнюдь не государственное сознание, дающее простор для патриотизма, но, по сути, лишь механистическая мода, преданность династии, свободная от какого-либо государственного или национального чувства»¹⁷.

Проект австрийского патриотизма, который с равным успехом можно называть габсбургским, зародился как раз в эпоху просвещенного абсолютизма. Важный вклад в его формулирование и распространение внес публицист, педагог, писатель Йозеф Зонненфельс (1732/1733–1817). Один из успешных пропагандистов достижений французского и немецкого Просвещения в Австрии, он в 1771 г. предложил на суд читателей свой памфлет «О любви к отечеству». Обстоятельства, при которых сочинение было представлено публике, не оставляют сомнения в высочайшем одобрении двора. Книгу, сопроводив акт дарения краткой речью на немецком языке, преподнес императрице Марии Терезии

¹⁶ Ясу. 2011. С. 210–211.

¹⁷ Kleinwächter. 1920. S. 107–108. Цит. по: Ясу. 2011. С. 206–207. Исследования современных ученых не подтверждают таких категоричных суждений. В. Хайндль пишет, что знание языков и местной специфики было обязательным условием кадровых назначений и перестановок в двуединой монархии. См.: Heindl. 2013. S. 123–125.

(1740–1780) в ходе экзамена в стенах Терезианского дворянского коллегия молодого венгерский аристократ граф Антал Аппони¹⁸.

В этом морализаторском сочинении автор, отсылая читателя к примерам из античной истории, обращался к тем же социальным группам, которые впоследствии станут центростремительными силами двуединой монархии – к аристократии, бюрократии, армии. Образ идеального служащего преподносится в форме (по всей видимости, вымышленного) текста клятвы шахских чиновников в Кандагаре. Они торжественно обещали получать свою должность за личные качества в честном соперничестве с другими претендентами, никогда не скрывать правду перед лицом монарха, оставаться чуткими к нуждам и жалобам бедняков, а при первых признаках старческой немощи добровольно уйти в отставку. Хотя само имя Австрийской монархии нигде не называлась напрямую, у читателя не оставалось сомнений, что Зонненфельс адресует согражданам призывы деятельной любви к отечеству.

Модель патриотизма, предложенная Зонненфельсом, по умолчанию предполагала сохранение существующих форм коллективных лояльностей (этнических, региональных), но и объединение всех подданных вне зависимости от родного языка, сословной принадлежности, места рождения на почве всепоглощающей, безграничной любви к государству, что и должно было привести к появлению той самой «австрийскости». На третьем году самостоятельного правления император Иосиф II (1783) в «Напоминании своим госслужащим», впоследствии известное как «Пасторское послание» (*«Hirtenbrief»*), опишет свой идеал так: «Поскольку благо может быть только одно, а именно то, которое касается всеобщности и большинства, посему все провинции монархии могут составлять только единое целое <...>. Национальность, религия не должны играть роли, и все, как братья, должны чувствовать в монархии свою востребованность и помогать друг другу»¹⁹. Патриотизм, понимаемый как неукоснительное исполнение монаршей воли, вменялся чиновникам в обязанность: «Кто не испытывает любви к службе Отечеству и своим согражданам, кто не воспламенен усердием преумножать [общее] благо, тот не рожден для службы и не имеет права носить почетный титул и получать жалование»²⁰. Немецкий историк Х. Клютинг весьма точно назвал эту модель «бюрократическим патриотизмом»²¹.

То, что казалось осуществимым в эпоху Просвещения, обнаружило свою слабость в канун Первой мировой войны. Оценивая действенность предложенной модели, австрийский историк венгерского происхождения Мориц Чаки приходит к выводу: «В условиях Габсбургской монар-

¹⁸ *Sonnenfels*. 1771.

¹⁹ *Handbuch*. 1786. S. 190.

²⁰ *Handbuch*. 1786. S. 186.

²¹ *Kluetling*. 1991. S. 49.

хии, где у каждого было свое “отечество”, не то же самое, что у других, обретавшее все более яркую национально-идеологическую окраску, само это метапонятие <...> стало неким общим символом, цементирующим многообразие державы. Символ этот с особым рвением использовался политической пропагандой централистского абсолютистского правительства <...> Любовь к отечеству, таким образом, означала принятие общегосударственных интересов <...> И во имя этого символа – да, с неперменной ссылкой на любовь к отечеству – постоянно раздавались призывы к покорности по отношению к центральной политической власти²². Впрочем, в последней четверти XVIII в. до этого было далеко.

Что представляло собой австрийское отечество в момент издания трактата? Иосиф II однажды весьма точно охарактеризовал свою державу: «Австрийская монархия ни на что не похожа»²³. В самом деле, это государство было одним из самых сложных образований на карте Европы (раннего) Нового времени. В немецкоязычной историографии его характер обозначают как *zusammengesetzter Staat*²⁴, в англоязычной – *composite monarchy*, иными словами, «сложносоставное», «композиционное» государство. В промышленности композитными или композиционными называют такие искусственно созданные неоднородные сплошные материалы, которые состоят из двух или более компонентов с четкой границей раздела между ними. Владения Австрийского дома тоже создавались во многом искусственно, на протяжении нескольких столетий, при этом между составными частями этой державы веками сохранялись четкие политико-правовые, экономические, культурно-языковые, конфессиональные границы, а связующим элементом выступала правящая династия.

Композитную природу этого государственного образования в раннее Новое время одним из первых во всей полноте проанализировал британский историк Роберт Эванс в методологически новаторской для 1970-х годов, а ныне – классической книге «Создание Габсбургской монархии, 1550–1700: интерпретация». Он писал: «В то время как династия и ее приближенные единым фронтом выступали за усиление контроля из центра, единообразие само выросло из договоренности, оказывавшейся плодом процесса, не всегда понимаемого даже теми, кто в нем участвовал, и уж точно никем не навязанного извне. В результате возник сложный и тонко настроенный организм, не государство, но слегка центробежная агглютинация поразительно разнородных элементов»²⁵. Даже конвенциональный термин «централизованное государство» (*Gesammtstaat*) применительно к владениям Австрийского дома имеет свою специ-

²² Чаку М. 2001. С. 76.

²³ Beales. 1987. P. 107.

²⁴ Ср.: Winkelbauer. 2003. T. 1. S. 25.

²⁵ Evans. 1979. P. 447.

фику. Если в основе традиционного словоупотребления лежит идея государства унитарного, в котором импульсы исходят от центра к перифериям, то в Габсбургской монархии отдельные земли (*Länder*) являлись прежде всего системообразующими субъектами, а уже потом объектами преобразующей активности центра²⁶. Вследствие соотношения сил между центром и отдельными частями этого «ни на что не похожего» государства сословия видели в Габсбургах не правителей монархии, но своих эрцгерцогов, маркграфов, королей. Потребовались немалая политическая воля и мобилизация административных аппаратов центральных ведомств, чтобы перераспределить традиционно находившиеся в руках сословий сферы общественного блага (строительство дорог, здравоохранение, образование) и их финансирование в пользу рождавшегося из «центробежной аглютинации» современного государства²⁷. Ключевая роль в этом процессе была отведена чиновничеству.

Первым следствием композитного характера Габсбургской державы была этническая пестрота ее населения и элит. Американский историк венгерского происхождения Иштван Деак верно заметил, что в монархии не было «господствующей национальности», а были лишь «доминирующие элиты» – дворянские, предпринимательские, творческие, где не было места немецким лавочникам, венгерским крестьянам, польским рабочим²⁸. Чиновничество, которое, по определению австрийского социолога Гернота Штиммера, переняло статус и габитус феодальной аристократии²⁹, с полным правом входило в эту «доминирующую элиту».

Важно вслед за американским историком Чарльзом Инграо подчеркнуть, что «Габсбурги в раннее Новое время никогда не рассматривали лингвистическое и этническое разнообразие в качестве угрозы целостности своих владений». Косвенное доказательство тому ученый видит в легкости, с которой династия вела экспансионистскую политику и присоединяла территории, населенные народами, весьма отличными от тех, что составляли ее немецкое ядро³⁰. Местные языки и наречия умело использовались властями, духовными и светскими, чтобы нести свет истинной (католической) веры и обучать началам грамотности (в том числе внушать верность династии) в школе первой ступени. Об этническом разнообразии как неисчерпаемом ресурсе писал пионер венгерской статистики Мартин Швартнер (1759–1823) – сам, как следует из имени, этнический немец. В сочинении «Статистика Венгерского королевства» он с долей преувеличения утверждал: «Ни в одной стране мира нет большего числа языков и как следствие большего числа народностей, чем в Венгрии»³¹.

²⁶ *Klingenstein*. 1990. P. 155.

²⁷ *Hye*. 2000. S. 2428–2429.

²⁸ *Deák*. 1991. 91. old.

²⁹ *Stimmer*. 1997. S. 71.

³⁰ *Ingrao*. P. 245.

³¹ *Schwartner*. 1809. S. 118–119.

Нельзя сказать, что двор и управленческие элиты не отдавали себе отчета в том, что подвластные народы различаются по языку, вере, обычаям, культурным чертам, способам хозяйствования, отношению к воинской обязанности и пр. В то же время, и первые конскрипции (переписи населения) подтверждают это, вопрос о национальности и ее главном маркере – языке – отступал на задний план, точнее не рассматривался вообще. Государство желало знать о размерах (прежде всего – мужского) населения, его материальном положении, способности платить налоги и выставлять рекрутов³². Возможно, поэтому первые или менее достоверные данные об этнонациональном составе населения Австрийской империи появляются не ранее начала – середины XIX в.³³

Бюрократии (раннего) Нового времени включали в себя чиновников как центральных администраций, выступавших проводниками государственной воли по всей властной вертикали, так и служащих сословных органов власти, представлявших и защищавших интересы земель, областей, целых королевств во взаимоотношениях с имперским центром. Эти люди свободно изъяснялись на двух-трех-четырёх языках, нередко в процессе подготовки к поступлению на службу совершали ознакомительные поездки по стране и с этим интеллектуальным и эмоциональным багажом они поступали на государственную службу и ставили свой опыт, знания, наблюдения на службу «общему благу». В 1762 г. венгерский дворянин Матяш Какони, служивший в главном финансовом ведомстве королевства – Казенной палате, в прошении о назначении на должность директора одного из таможенных пунктов писал: «Я знаю разные языки, не только латинский, но и немецкий, славянский, пишу по-немецки, соображаю в арифметике, и прекрасно знаю страну, которую объездил вдоль и поперек»³⁴. Секретарь Венгерской казенной палаты Адам Чато, в 1779 г. подавший прошение о переводе его в казначейскую администрацию в Марамароше³⁵, о себе сообщал, что не только в совершенстве овладел делопроизводством на немецком языке, но говорит по-русински и был не понаслышке знаком с «природой и образом мыслей этого народа»³⁶.

Этническая пестрота чиновничества была не только следствием национального состава владений Австрийского дома, но и результатом

³² Tantner. 2004; Faragó. 2010.

³³ Автор классического труда по истории Габсбургской монархии – американец австрийского происхождения Роберт Канн (1906–1981) (*Kann*. 1980. P. 607) приводит следующие довольно общие цифры распределения национальностей по языку за 1843 г. (без учета владений в Северной Италии): 15,4 млн. славян, 6,9 млн. немцев, 5,3 млн. мадьяр, 1 млн. румын и 350 тыс. итальянцев (данные взяты им из.: *Schuselka*. 1843. S. 12, 37, 53).

³⁴ ÖStA. FHK. HFU. Fasz. r. Nr. 921. 6. Maji 1762. Fol 81r.

³⁵ Марамарош – комитат (административно-территориальная единица) на востоке Венгерского королевства, ныне его территория разделена между Украиной и Румынией.

³⁶ ÖStA. FHK. UC. Fasz. r. Nr. 592. Subd. 1. N 93 ex Apr. 1779. Fol. 59v.

высокой горизонтальной мобильности (которую еще только предстоит оценить и «измерить» историкам). Источниками пополнения чиновничьих корпораций служили как иностранцы, поступавшие на службу к Габсбургам, так и выходцы из соседних провинций, покидавшие насиженные места в поисках лучшей доли. Чаще всего ими оказывались отставные офицеры, для которых по выслуге лет или по ранению переход из одной наднациональной структуры, армии, в другую – бюрократию, был закономерен и логичен. Дворяне (включая высший слой, аристократию) могли владеть имениями в разных частях Австрийской монархии и на этом основании претендовать на должности в местных административных структурах. Как слуги династии, они, повинувшись приказу, отправлялись в далекие, часто малознакомые для них земли и провинции, чтобы проводить там политику двора.

Таков был барон Антон Тадеус Зумерау (1697–1771) – первый президент Передней Австрии (группы владений Австрийского дома на юго-западе Германии). Он начинал в 1728 г. в земельном правительстве Верхней Австрии, в 1735 г. перевелся в Вену, в Придворную казенную палату, в годы Войны за австрийское наследство (1740–1748) отвечал за передислокацию войск на баварский фронт, затем восстанавливал институты габсбургской власти в мятежной Чехии, занимал должность вице-гофканцлера в Инсбруке. В 1749 г. он ненадолго вернулся в Вену, где получил пост в Административно-финансовой дирекции. С 1751 г. Зумерау руководил созданием новой территориальной единицы с центром сначала в Констанце, затем – во Фрайбурге, где ему, как эмиссару венского двора, пришлось налаживать непростой диалог с сословиями, убеждая их поставить интересы «австрийского» отечества выше понятных им партикулярных интересов своей провинции. Прослужив без малого 20 лет, он по состоянию здоровья в 1769 г. вышел на пенсию и вскоре умер³⁷.

Второй чертой композитной Габсбургской монархии – и следствием ее этнической пестроты – была множественность идентичностей, свойственная подданным всех сословий вообще и не в последнюю очередь – чиновничеству. Авторы трудов по социальной и культурной антропологии не устают повторять о многоуровневых, сложноподчиненных категориях, в которых осознавал себя индивид раннего Нового времени. Э. Хобсбаум однажды заметил: «Объект коллективной самоидентификации люди выбирали совсем не так, как выбирают они ботинки, зная, что больше одной пары за один раз надеть невозможно. Они имели и сейчас имеют различные привязанности, симпатии и объекты лояльности одновременно, в том числе и в национальной сфере <...> В течение долгого периода эти привязанности и симпатии могут не предъявлять к данному человеку абсолютно несовместимых требований, а потому он может без особого труда воспринимать себя как, например, сына

³⁷ Kageneck. 1981.

ирландца, мужа немки, члена шахтерского сообщества, рабочего, болельщика футбольного клуба “Барисли”, либерала, методиста, английского патриота, республиканца и сторонника Британской империи»³⁸.

Если начать с идентичностей, не связанных с этносом, то всех бюрократов обширной монархии объединял профессиональный этос, предполагавший, как о том мечтал Иосиф II, беззаветное служение общему (общественному) благу. Габсбурги сами показывали в этом пример своим служащим. Мария Терезия, ее сыновья Иосиф II и Леопольд II (1790–1792), внук Франц I (1792–1835), наконец, его правивший более полувека племянник Франц Иосиф (1848–1916) считали своим долгом проводить долгие часы за рабочим столом, вникать в суть декретов, рескриптов, резолюций, лично принимать решения, основанные на доскональном знании вопроса. От них старались не отставать их чиновничьи аппараты, где поощрялись усердие (*Fleiß*) и служебное рвение (*Emsigkeit*), способности (*Fähigkeit*) и деловитость (*Tüchtigkeit*). В корпоративную среду, где повышения по службе веками происходили по старшинству (выслуге лет), начинает внедряться меритократический принцип поощрения за усердие³⁹.

Важной коллективной идентичностью была принадлежность к дворянству. К нему – разным его слоям – принадлежало в большинстве своем чиновничество: от аристократов во главе центральных ведомств до мелких служилых дворян, трудившихся под их началом. Для разночинцев дворянская грамота была заветной целью и заслуженной наградой, мерилом профессионального успеха. В одном из венгерских письмовников встречается образец ведомственного меморандума на высочайшее имя: «Конципист N.N. при Венгерском королевском наместническом совете в прилагаемой челобитной <...> просит даровать дворянство по следующим причинам: <...> ему как простолюдину все пути дальнейшего постепенного повышения [по службе] просто-напросто отрезаны по закону»⁴⁰. С получением дворянской грамоты уровень доходов, стиль жизни, круг общения могли не претерпеть изменений, однако у ее обладателя появлялась возможность при наличии свободных денежных средств стать помещиком, дать детям образование, открывавшее путь к успешной карьере и дальнейшему социальному возвышению.

Память о предках-чиновниках, возведенных в дворянское достоинство, веками хранили дворянские гербы. Этнический немец Георг Хельблинг около тридцати пяти лет прослужил в соледобывающей отрасли в Венгрии, когда в 1750 г. получил дворянский титул⁴¹. У отца десятирех детей, по всей вероятности, не было достаточных средств оплатить изго-

³⁸ Хобсбаум. 1998. С. 196.

³⁹ Рескрипт от 5 августа 1748 г. см.: Sammlung. Bd. 1. S. 67.

⁴⁰ *Kassics*. 1841. 126–127. old.

⁴¹ ÖStA. FHK. HFU. Fasz. r. Nr. 823. 9. Mar. 1750. Fol. 173r.

товление эскиза родового герба, поэтому у текста дворянской грамоты нет сопроводительного рисунка. Однако из описания следует, что на щите были изображены соляные глыбы⁴². После смерти чиновника сын его Йозеф уже подписывался «венгерский дворянин» («*nobilis Hungarus*»)⁴³. Потомкам другого разночинца – инженера-гидравлика Франца Бёма, участвовавшего в ирригационных работах на юге Венгрии – о профессии их прадеда напоминало изображение циркуля на родовом гербе⁴⁴.

О том, какие чувства вызывало дарование наследственного дворянства в душах подданных и как это меняло идентичность, социальную и национальную, пишет Йозеф Рот (1894–1939) в романе «Марш Радецкого» (1932). Молодой офицер Йозеф (теперь уже «фон») Тротта (этнический словенец), спасший жизнь императору Францу Иосифу в битве при Сольферино (1859), впервые посещает престарелого отца после возведения в дворянство: «“Поздравляю тебя”, – сказал отец обычным голосом с твердым немецким выговором армейских славян <...> Пять лет назад он еще говорил с сыном по-словенски, хотя юноша и понимал только немногие слова, а сам не мог произнести ни единого. Но сегодня обращение на родном языке казалось старику слишком большой интимностью по отношению к сыну, благодаря милости судьбы и императора так высоко над ним вознесшемуся»⁴⁵.

О том, как социальные, региональные, национальные идентичности укладывались в головах современников на рубеже XIX–XX вв., М. Чаки пишет «Гетерогенный характер политико-государственного устройства Габсбургской монархии проявлялся прежде всего в том, то она состояла из множества более или менее автономных королевств и земель, которые были подчинены совокупному государству, но никогда не растворялись в нем настолько, чтобы потерять свою самобытность. Каждый, кто жил в этом регионе <...> был подданным своей (территориальной) административно-политической формации и – одновременно – подданным государства, включавшего в себя все эти формации. От каждого индивидуума, равно как и от целых социальных групп требовалась, таким образом, не просто какая-то однозначная политическая лояльность, а, так сказать, множественная лояльность. Иначе говоря, многополность политической ориентации была здесь не исключением, а правилом»⁴⁶.

В самом деле, в композитной монархии подданные рождались в одной провинции, служили в другой, один язык усваивали в семье, другой – в церкви, третий – на работе. Наибольшей известностью применительно к XVIII в. пользуется признание священника, историка, географа

⁴² MNL OL. A 57. 42. köt. 214–216. old.

⁴³ ÖStA. FHK. HFU. Fasz. r. Nr. 869. 18. Apr. 1757. Fol. 153r.

⁴⁴ MNL OL. A 57. 54. köt. 39–43. old.

⁴⁵ Рот. 2001.

⁴⁶ Чаки. 2001. С. 191.

Матиаса Бела (1684–1749): «Я по языку словак, по подданству – венгр, по образованию – немец»⁴⁷. Впрочем, его менее прославленные современники дают немало примеров того, как можно было обладать несколькими, не противоречащими друг другу лояльностями, будучи членами дворянских сообществ разных коронных земель по праву рождения или кооптации, обладая причудливой комбинацией религиозных, сословных, языковых и иных идентичностей. Франц Оттермайер, служивший в середине XVIII в. в соляной конторе в Сегеде на юге Венгрии, просил для себя повышения в должности «<...> как для за столько лет уже натурализовавшегося сына [венгерского] отчества, по рождению же – австрийского венца и венского подданного»⁴⁸.

Р. Эванс в статье «Границы и национальные идентичности в центрально-европейской истории» приводит пример, как граф Игнац Доминик Хоринский (глава земельного правительства Силезии) построил в своем замке близ Троппау⁴⁹ гостиную, нависавшую над местной речушкой. Стол там стоял так, что десятеро из сидевших за ним гостей находились на территории Моравии, десятеро – австрийской Силезии и десятеро на территории Силезии, оккупированной Пруссией в ходе Войны за австрийское наследство⁵⁰. Можно сказать, что головы у многих современников были устроены так, как эта гостиная.

Базовой идентичностью следует считать ту, которая связывала индивида с местом рождения и жизни в сознательном возрасте и в наиболее общих чертах описывается как «подданство». Медиевист С. Рейнольдс предложила называть такого рода лояльности «регнализмом» от латинского «*regnum*» – «царство», «государство». Чтобы понять, насколько дробной, точно привязанной к сословно-территориальной единице была эта категория, достаточно посмотреть на списки воспитанников венского Терезианского дворянского коллегияума, где обучались дворянские дети из владений Австрийского дома, Священной Римской империи, некоторых стран Европы. В них встречаются мораване, трансильванцы, мантуанцы, вестфальцы, хорваты, силезцы, венгры и пр.⁵¹

Поясним суть регналистской идентичности на примере «венгров». В этом полиэтничном королевстве доля этнических мадьяр никогда не превышала половины, и проживали они по соседству со словаками, румынами, немцами, хорватами, сербами, русинами. Господствующий класс, именовавший себя «венгерской нацией» рекрутировался из разных народностей, объединенных общностью дворянских привилегий. Поскольку до 1844 г. официальным языком королевства была латынь, то и

⁴⁷ Цит. по: *Miskolczy*. 2015. P. 67.

⁴⁸ ÖStA. FHKA. HFU. Fasz. r. Nr. 825. 15. Aug. 1750. Fol. 227r.

⁴⁹ Троппау – ныне Опава в Чехии.

⁵⁰ *Evans* 2006. P. 118.

⁵¹ *Regium*. 1770.

венгерское дворянство, и венгры как жители страны (подданные венгерского короля) обозначались латинским прилагательным *Hungarus* (во множественном числе *Hungari*) безотносительно к родному языку или этнической принадлежности. В XX в., когда по итогам Первой мировой войны Венгрия лишилась значительных территорий вместе с проживавшим там населением, термин *Hungarus* обрел концептуальную завершенность: с ним стали связывать до-модерное толерантное национально-государственное устройство, разрушенное во второй половине XIX в. в ходе построения моноэтнической модели мадьярской нации. Под термином *Hungarus* все чаще стали понимать именно немадьяр, считавших Венгерское королевство своей родиной. Однако для рассматриваемого периода это не вполне корректно уже по той причине, что термин не имел противопоставительной коннотации: *Hungari* в равной мере были как этнические мадьяры, так и подданные короля любой другой национальности⁵².

На языке той эпохи жители королевства (подданные) называли себя «сын отечества»: на латыни – *«patriae filius»*, по-немецки – *«Landeskind»*, по-венгерски – *«hazafi»*. Дворяне были, соответственно «дворянскими сынами отечества»: на латыни – *«nobilis patriae filius»*, по-немецки – *«adeliges Landeskind»*, по-венгерски – *«nemes hazafi»*.

Для понимания инклюзивного и эксклюзивного потенциала этой модели полезно обратиться к теории Фредрика Барта об этнических сообществах. Он первым предложил сместить фокус исследования с описания набора *признаков*, которые в себе заключают (этнические) группы, на очерчивающие их *границы*, которые фиксируют «разделяемые этими индивидами критерии оценки и суждений». «Устойчивое противопоставление тех, кто входит в группу, тем, кто в нее не входит, – писал он, – позволяет выявить природу этой устойчивости и изучить изменение культурной формы и содержания»⁵³. В нашем случае граница группы «сыновья отечества» определялась не языком или этнической принадлежностью, но такими признаками, как место рождения, родственные связи, отношения патроната, членство в сословных или профессиональных корпорациях, чувство сопричастности к общей истории, гордость за личный и семейный вклад в процветание страны, защиту ее территориальной целостности, в преумножение материального благосостояния и культурных достижений.

⁵² В венгерском, словацком, русском и ряде других языков слово «венгр» обозначает как мадьяра, так и жителя Венгрии. Современные историки, пишущие на немецком и английском языке в случаях, когда того требует контекст, используют термины *Ungarn / Magyaren* и *Hungarians / Magyars*. Словацкие ученые вводят в научный оборот смысловую пару *uhor / mad'ar*. Возможно, имеет смысл напомнить, что когда-то Т.М. Исламов предлагал использовать в качестве аналога *Hungarus* забытое слово «венгерец», которым в России XVIII–XIX вв. называли всех выходцев из Венгрии (см.: *Исламов*. 1984).

⁵³ Барт. 2006. С. 17–18.

Третьей чертой композитной монархии можно назвать патриотические лояльности разных уровней и конфигурации, которые сосуществовали и конкурировали между собой за умы подданных. Австрийский историк Х.П. Хиэ точно подметил, что самым распространенным понятием в политическом лексиконе Габсбургской монархии XIX в. была «земельная автономия». В самом деле, двор не мог игнорировать индивидуальность отдельных земель и провинций, пестовавшуюся веками, и был вынужден уважать их права и привилегии. Каждая из них обладала более древней историей и традицией, чем те централизаторские бюрократические институты, что вознамерились управлять всей территорией единообразно⁵⁴. «Конкурентом» этой земельной идентичности как раз выступала идентичность общеавстрийская.

Задолго до того, как Габсбурги добились успехов в политической и экономической консолидации своих владений, они уже рассматривали их как единое пространство. Вену устраивало, если связь ее административных элит с провинциальными дворянскими корпорациями постоянно уступала место безоговорочной преданности государю. При назначении на административные должности двор нередко отдавал предпочтение людям, чей кругозор не сводился к родной провинции или округу, кто повидал мир и испробовал себя на разных поприщах. Ведомые собственным честолюбием, такие люди с готовностью брались за сложные поручения короны и справлялись с самыми щекотливыми политическими вопросами. Для них не было непреодолимых административно-политических границ. Габсбургская монархия уже стала для них единым пространством. Как писал в 1761 г. выпускник венского Терезианума барон Франц Ло Прести: «Примите во внимание годы, проведенные в должности горного советника, и назначьте меня на первую освободившуюся руководящую должность в Тироле, Трансильвании или Богемии»⁵⁵.

Впоследствии критик политической системы дуализма Герман Бар (1863–1934) в полемическом памфлете «Вена» (1907) писал: «Необходимо было срочно найти <...> людей, у которых нет ни дома, ни родины, ни корней, которые вчера еще были никем, но теперь вдруг воспарили, поднятые невидимой рукой <...> и они обеспечивали функционирование государства и общества на протяжении двух сотен лет»⁵⁶. Однако вот пример иного рода. Антон Котман (ум. 1768) сумел из «чужака» превратиться в полноправного члена венгерской чиновничьей элиты. Сын вестфальца и богемской немки, этот высокопрофессиональный и исполнительный чиновник четверть века прослужил в главном финансовом ведомстве королевства – Венгерской казенной палате, пройдя путь от

⁵⁴ *Hye*. 2000. S. 2450.

⁵⁵ *ÖStA. FHKA. ÖC. Fasz. 1. Subd. 1. N. 148 ex Dez. 1763.*

⁵⁶ *Bahr*. 1907. S. 37. Цит. по: *Ясу*. 2011. С. 206.

мелкого клерка до советника. Котман руководил добычей соли, неустанно пекая о приросте населения на южных рубежах Венгрии, в конце XVII в. освобожденных от османов. Детей у него не было, почти все имущество погибло при двух пожарах. В завещании чиновник распорядился с большой осторожностью распродать то немногое, что останется после его кончины, чтобы на вдову не перешли сделанные им при жизни долги. Поскольку он часто находился в разъездах по казенной надобности, последней волей Котмана стало: «Пусть тело мое будет без всякой роскоши погребено в крипте приходской церкви того населенного пункта, где меня застанет смерть»⁵⁷.

Для австрийцев было характерным смотреть на венгров сверху вниз, считать их политическую культуру отсталой, общий уровень цивилизованности – низким. Мария Терезия при всей ее неизменной симпатии к венграм полагала, что путь к просвещению ее венгерских подданных, в том числе чиновничьих элит, лежит в умелом создании точек соприкосновения, поля для взаимодействия между «немецко-австрийским» и «венгерским» сегментами администраций. Можно сказать, что чиновник с одной ярко выраженной идентичностью – будь то, скажем, венгерская дворянская или австро-немецкая имперская, был менее полезен, чем индивид, который обладал разнообразным профессиональным жизненным опытом, хорошо ориентировался в различных социальных средах. В 1761 г., по поводу одного административного назначения государыня высказалась так: «Желательно, чтобы как можно больше немцев, кто изучил венгерское право и политическую систему и, следовательно, накопил необходимый опыт, принималось на службу в Казенную палату»⁵⁸. По поводу другого назначения президент Венской придворной казенной палаты граф Иоганн Зайфрид Херберштайн в 1765 г. высказывал суждение: «Вашему императорско-королевскому апостолическому величеству следует заместить этот пост посредством германизированного венгерского [*eines germanisierenden Hungarischen*] или располагающего венгерским дворянским титулом субъекта [*mit dem Hungarischen Indigenat versehenen Subjecto*]»⁵⁹. В ответ императрица начертала: «Было бы желательным взять туда еще какого-нибудь немца»⁶⁰.

Борьбу с засильем чужаков венгерские сословия вели давно и, судя по повторявшимся требованиям не допускать иностранцев к управлению страной, безуспешно. В 1606 г., после поражения восстания под предводительством трансильванского князя Иштвана Бочкаи (1657–1606), сословия и Габсбурги в документе, известном как Венский мир, зафиксировали взаимные обязательства, соблюдение которых должно было

⁵⁷ HHStA. OMA. Testamente. Kt. 639. 1768/15. Cothmann Anton. 14 Aug. 1768.

⁵⁸ ÖStA. FHK. HFU. Fasz. r. Nr. 913. 30. Sept. 1761. Fol. 750r.

⁵⁹ Ibid. UC. Fasz. r. Nr. 590. Subd. 1. N 22 ex Jun. Fol. 127v.

⁶⁰ Ibid. Fol. 117v.

предотвратить новые кровопролитные столкновения. Два годами позже положения договора обрели силу закона на очередном Государственном собрании. В ст. 10/1608 говорилось: «Его величество король на деле восстановит всю систему управления, достоинство и власть Венгерского совета и власть канцелярии и вверит их людям, способным дать совет в венгерских делах; далее – все более или менее значимые должности и таможи, руководство ими в Венгрии и присоединенной к ней Далмации, Хорватии и Славонии вверит *урожденным подданным венгерского короля и представителям подвластных ему или включенных в королевство народностей* [здесь и далее курсив мой. – О.Х.]»⁶¹.

Это требование будет звучать на сословных форумах еще не раз. Например, на Государственном собрании 1741 г., которое проходило в разгар Войны за австрийское наследство и вошло в историю прочувствованным обращением Марии Терезии на латинском языке к сословиям, в ответ пообещавшим отдать жизнь и кровь за короля. Воспользовавшись ситуацией, когда сохранение целостности владений Австрийского дома зависело от налоговых поступлений и притока рекрутов из Венгрии, сословия зафиксировали желанное требование сразу в двух статьях. Параграф 1 статьи IX/1741 гласил: «[Его королевское величество] также милостиво постановило, что дела и вопросы страны, в ее пределах и за границей, будет рассматривать и решать с помощью *венгерских подданных*»⁶². То же требование звучало в статье XV/1741: «Его священное королевское величество согласилось с нижней просьбой сословий королевства и относящихся к нему частей и милостиво распорядилось, чтобы, как то и предписывают законы страны, на любые церковные и светские sinecуры, посты и должности назначать снискавших заслуги перед королем и отечеством *венгерских подданных*»⁶³.

У немадьярских этносов Венгерского королевства наблюдалось отчетливое желание быть частью того общественного устройства, в котором тон задавало дворянство. Б. Пукански (1895–1950) писал, что австрийские немцы с недоумением и легким пренебрежением взирали на стремление немецкоязычных сынов венгерского отечества ассимилироваться в венгерско-дворянской среде. Такой патриотизм, ориентированный не на владения Австрийского дома в целом, но на Венгрию, полу-

⁶¹ СЖН. Р. 21. Выделенные курсивом слова буквально следовало бы перевести как «урожденным венграм и представителям подвластных или присоединенных народов», однако в данном случае потерялся бы инклюзивный характер венгерского дворянства и административных элит королевства. И латинское выражение «*nativos Hungaros*», употребленное в оригинальном тексте, и его аналог «*született magyarok*», использованное в авторизованном переводе официального издания 1900 г., если перевести дословно (как «урожденные венгры») не передадут регалистского контекста этого закона.

⁶² Цит. по: www.1000ev.hu/index.php?a=3¶m=4721.

⁶³ Там же.

чил название «парциального» (т.е. частичного)⁶⁴. В качестве примеров его торжества в чиновничьей среде можно привести добровольную мадьяризацию фамилий⁶⁵. Одни переводили свои фамилии на венгерский язык, как Йозеф Лампель, превратившийся в (Йозефа) Бараня⁶⁶. Другие подбирали похоже звучащее венгерское имя, как Николас Турнлайтер, который стал Тороньялаи. Эта практика получит широкое распространение в XIX в., и не только среди ассимилировавшегося еврейства. Один из основоположников венгерского литературоведения Ференц Толди (1805–1875) родился в семье почтового служащего Франца Шеделя и, будучи отدانым в венгерскую школу, в юности выбрал в качестве псевдонима имя сказочного венгерского богатыря.

Интегративный потенциал такой лояльности долгое время недооценивался учеными. В XIX в., когда многие историки, впоследствии заслужившие славу национальных корифеев, поставят свое перо на службу идеологическим потребностям рождавшихся на их глазах современных наций, идентичности прежней эпохи начнут рассматриваться как что-то менее развитое, чему еще только предстояло стать полноценным национальным сознанием. Патриотизм раннего Нового времени с его этактистскими обертонами станет считаться чем-то несовершенным, чему только предстояло превратиться в полноценную лояльность своей нации. Как писал Б. Пукански: «Самый простой, наивный вид государственного патриотизма считает, что отечество есть высшая форма реальной общности»⁶⁷. Такие взгляды можно было встретить и в конце XX в. Например, видный советский богемист А.С. Мильников (1929–2003) тоже рассуждал о патриотизме как о наиболее простом, понятном широким массам средстве национальной консолидации и видел в «просветительском» патриотизме конца XVIII в. ступень, предшествовавшую последней стадии и высшей ступени патриотической идеологии – «национальному патриотизму»⁶⁸.

Однако тот факт, что в Центральной Европе попытки претворения в жизнь модели государственного патриотизма (не замешанного на этнической компоненте) фактически потерпели поражение перед лицом воинственных национально-языковых, ассимиляторских по сути движений только в конце XIX в., не означает ни его полного исчезновения, ни отсутствия у него перспектив развития⁶⁹.

В полиэтничной чиновничьей среде задолго до торжества модерного национализма находилось место и для национально окрашенного чувства неприязни. Причем не только в дни освободительных походов, вос-

⁶⁴ Pukanszky. 1933. 13. old.

⁶⁵ Marczali. 1910. P. 234.

⁶⁶ MNL OL. A 79. Turnleiter, Josephus; Lamper, Josephus.

⁶⁷ Pukanszky. 1933. 5. old

⁶⁸ Мильников. 1997. С. 80.

⁶⁹ Ср.: Хаванова. 2000. С. 19.

станий и войн, но и в рутине повседневности. Однако современному ученому порой непросто интерпретировать немногочисленные дошедшие до нас свидетельства и высказывания. В актах Венгерской королевской канцелярии сохранилась короткая запись, что пожилой, заслуженный советник Ласло Бистрицей не раз говорил про своего помощника-переписчика венца Йозефу Грссингера: «Ни один советник не желает о нем ничего знать, потому что у него нет подлинно венгерского сердца [*kein Hunarisch ächtes Herz*]»⁷⁰. У подобного заявления (независимо от того, были сказаны эти слова или, как позднее утверждал Бистрицей, нет) может быть несколько интерпретаций. Что скрывается за противопоставлением образованного венского бюргера и венгерского дворянина (который, судя по фамилии, был этническим славянином)? Что превращает сердце в подлинно венгерское? Конечно, такое утверждение несет на себе, в первую очередь, печать этнической неприязни. Однако может интерпретироваться и более широко: не имея «подлинно венгерского сердца», трудно разделить гордость за славное прошлое страны, нести ответственность за ее сегодняшний день. Так или иначе, подобные инциденты указывали направление, в котором будут развиваться чиновничьи элиты в XIX в. Этническая компонента в индивидуальном сознании укрепитесь, наложит свой отпечаток на регналистскую лояльность, противопоставит тех, кто еще век назад не задумывался о национальных различиях.

В канун распада своей многонациональной державы Габсбурги добьются того, что у высшего чиновничества Австро-Венгрии главной объединяющей силой, наряду с профессиональным этосом, станет австрийская идентичность. Доказательством тому В. Хайндль считает факт, что 68% имперской бюрократии вышли из стен того самого Терезианума, где зарождалась пропаганда австрийской идентичности в среде будущих чиновников⁷¹. Их государственно-национальный идеал, возможно, выразил старый окружной начальник барон Франц фон Тротта из романа «Марш Радецкого»: Он был австриец, слуга и чиновник Габсбургов, и отчизной для него являлся императорский дворец в Вене. Доведись ему представить свои политические взгляды касательно полезного переустройства разноплеменного австрийского государства, он признал бы желательным превратить все имперские земли в большие пестрые сады и дворы императорского замка и все народы, населяющие монархию, в верных слуг Габсбургской династии»⁷². Однако никто из современных ученых не возьмется утверждать, что это была единственная лояльность, не расцвеченная чувствами привязанности к родной коронной земле, родному (не немецкому) языку, родной культуре⁷³.

⁷⁰ MNL OL. A 39. 9213/1785.

⁷¹ *Hendl*. 2013. S. 127.

⁷² *Pom*. 2001.

⁷³ *Urbanitsch*. 2008. P. 211.

Когда Австро-Венгрия прекратит свое существование, чиновник в коллективной памяти будет все-таки чаще фигурировать как уважаемая, достойная профессия, мечтать о которой не стыдно молодому, обдумывающему свое будущее человеку. Об этом свидетельствуют, например, строки из романа «Слуньские водопады» (1963) нобелевского лауреата Хаймито фон Додерера (1896–1966). Гимназист Хериберт заявляет товарищу: «[Инженеры] не пользуются у нас особым расположением общества, так обстоит со многими специальностями. К примеру, с зубными врачами, преподавателями гимназии или кадровыми офицерами-пехотинцами <...> Я хочу сделать карьеру государственного чиновника»⁷⁴.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

- Додерер, Х. фон.* Избранное. Сборник / Пер. Н. Ман. М., 1981.
- Кафка Ф.* Процесс / Пер. Р. Райт-Ковалевой, Г. Снежинской. СПб., 2014.
- Музиль Р.* Человек без свойств / Пер. С. Апта. М., 1994. Кн. 1–2.
- Рот Й.* Марш Радецкого / Пер. Е. Ман. М., 2001. Цит. по: http://www.lib.ru/INPROZ/ROT_J/marsh_radeckogo.txt (дата последнего посещения 1.VIII.2015).
- 1000–2003 ezer év története. <http://www.1000ev.hu/index.php> (дата последнего посещения 1.VIII.2015).
- CJH. – Magyar törvénytár. 1000–1895. Vp., 1900. 1608.–1657. évi törvényczikkek.
- Handbuch aller unter der Regierung des Kaisers Joseph des II. für die K. K. Erbländer ergangener Verordnungen und Gesetze in einer sistematischen Verbindung enthält die Verordnungen und Gesetze vom Jahre 1780 bis 1784. Fünfter Band. Wien, 1786.
- Kassics I.* Praxis politica civilis et stylare politicorum Latino-Hungaricum... Posonii, 1827.
- MNL OL. A 39. Magyar Királyi Kancellária. Acta generalia.
- MNL OL. A 57. Magyar Királyi Kancellária Levéltára. Királyi Könyvek (Libri Regii).
- MNL OL. A 79. Magyar Királyi Kancellária Levéltára. Index Individuorum.
- MNL OL. P 1058. Kisebb testületi, egyesületi és intézményi fondok. Szent István Rend.
- ÖStA. FHK. HFU.
- ÖStA. FHK. UC.
- ÖStA. HHStA. OMaA. Testamente.
- Pezzl J.* Neue Skizze von Wien. Wien, 1812.
- Regium Theresianum Collegium nobilium anno 1770. Viennae, 1770.
- Sammlung aller k.k. Verordnungen und Gesetze vom Jahre 1740 bis 1780., die unter der Regierung des Kaisers Josphs der II. theils noch ganz bestehen, theils zum Theile abgeändert sind, als ein Hilfs- und Ergänzungsbuch zu dem Handbuche aller unter der Regierung des Kaisers Joseph des II. für die k.k. Erbländer ergangenen Verordnungen und Gesetze in einer chronologischen Ordnung: in 8 Bde. Wien, 1786.
- Schuselka F.* Ist Österreich Deutsch? Statistische und glossirte Beantwortung dieser Frage. Leipzig, 1843.
- Schwartner M.* Statistik Königreichs Ungern. Ofen, 1809². Teil 1. S. 118–119
- Sonnenfels J. von.* Über die Liebe des Vaterlandes. Wien, 1771.

Литература

- Барт Ф.* Предисловие // Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий / Под. ред. Ф. Барта. М., 2006.

⁷⁴ *Додерер.* 1981. С. 171–172.

- Белобратов А.В. Процесс «Процесса»: Франц Кафка и его роман-фрагмент // *Кафка*. 2014.
- Исламов Т.М. От «нацио хунгарика» к венгерской нации // У истоков формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Общественное развитие и генезис национального самосознания / Отв. ред. А.С. Мильников. М., 1984. С. 40–59.
- Мильников А.С. Народы Центральной Европы: Формирование национального самосознания XVIII–XIX вв. СПб., 1997.
- Хаванова О.В. Нация – отечество – патриотизм в венгерской политической культуре: движение 1790 года. М., 2000.
- Хаванова О.В. Социальное восхождение и интеграция в политические элиты монархии Габсбургов XVIII в. // Австро-Венгрия, Центральная Европа и Балканы (XI–XX вв.) / Отв. ред. И.В. Крючков, С.А. Романенко, А.С. Стыкалин. СПб., 2011. С. 144–157 (Российско-Австрийский альманах. Исторические и культурные параллели. Вып. 4).
- Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г.: программа, миф, реальность. СПб., 1998.
- Чакс М. Идеология оперетты и венский модерн. Культурно-исторический очерк. СПб., 2001.
- Яси О. Распад Габсбургской монархии. М., 2011.
- Bahr H. Wien. Stuttgart, [1907].
- Beales D. Joseph II: In the Shadow of Maria Theresa. Cambridge, 1987.
- Deák I. Cause for despair? (Some remarks ont he mood of pessimism in the late Habsburg Monarchy) // Polgárosodás Közép-Európában. Tanulmányok Hanák Péter 70. születésnapjára / Szerk. É. Somogyi. Bp., 1991. 87–96. old.
- Dickson P.G.M. Finance and Government under Maria Theresa 1740–1780. Oxford, 1987. Vols. 1–2.
- Evans R.J.W. The making of the Habsburg Monarchy, 1550–1700: An interpretation. Oxford, 1979.
- Evans R.J.W. Frontiers and national identities in Central-European History // *Evans R.J.W. Austria, Hungary and the Habsburgs. Central Europe, c. 1683 – 1867*. Oxford, 2006.
- Faragó T. Az első magyarországi népszámlálás fennmaradt forrásanyaga (egy forráskiadási munka tanulságai) // *Demográfia*. 2010. 4. sz. 315–355. old.
- Godsey W.D., Jr. Quarterings and Kinship: The Social Composition of the Habsburg Aristocracy in the Dualist Era // *The Journal of Modern History*. 1999. Vol. 71. N 1. P. 56–104.
- Ingrao Ch. The Habsburg Monarchy 1618–1815. Cambridge, 2000.
- Heindl W. Gehorsame Rebellen. Bürokratie und Beamte in Österreich 1780 bis 1848. Wien; Köln; Graz, 1991.
- Heindl W. Josephinische Mandarine. Bürokratie und Beamte in Österreich. Band 2: 1848–1914. Wien, 2013.
- Hye H.P. Die Länder im Gefüge der Habsburgermonarchie // *Die Habsburgermonarchie 1848–1918* / Hrsg. von P. Urbanitsch. Bd. VII. Verfassung und Parlamentarismus. Wien, 2000.
- Kageneck A., Graf von. Das Ende der vorderösterreichischen Herrschaft im Breisgau. Freiburg 1981.
- Kann R.A. A history of the Habsburg Empire, 1526–1918. Berkley; Los Angeles; London, 1980.
- Kleinwächter F. Der Untergang der Oesterreichisch-ungarischen Monarchie. Leipzig, 1920.
- Klingenstein G. Revisions of enlightened absolutism: «The Austrian Monarchy is like no other» // *The Historical Journal*. 1990. Vol. 33. N 1. P. 155–167.

- Klueting H.* «Bürokratischer Patriotismus». Aspekte des Patriotentums im thesesianisch-josephinischen Österreich // *Patriotismus* / Hrsg. von G. Birtsch. Hanburg, 1991 (Aufklärung. Jg. 4. Hf. 2). S. 37–52.
- Marczali H.* Hungary in the eighteenth century. Cambridge, 1910.
- Miskolczy A.* ‘Hungarus Consciousness’ in the Age of Early Nationalism // *Latin at the Crossroads of Identity: The Evolution of Linguistic Nationalism in the Kingdom of Hungary* / Ed. by G. Almási, L. Šubarić. Leiden; Boston, 2015.
- Pukanszky B.* «Patrióta» és «hazafi»: fejezet a magyarországi német irodalomtörténetéből. Bp., 1933.
- Stimmer G.* Eliten in Österreich, 1848–1970. Wien; Köln; Graz, 1997. (Studien zu Politik und Verwaltung / Hrsg. von Ch. Brünner, W. Mantl, M. Welan. Bd. 57/1).
- Tanner A.* Die Quellen der Konskription // *Quellenkunde der Habsburgermonarchie (16.–18. Jahrhundert) Ein exemplarisches Handbuch* / Hrsg. von J. Pauser, M. Scheutz, Th. Winkelbauer. Wien; München, 2004. S. 196–204. (Mitteilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung. Ergänzungsband 44).
- Urbanitsch P.* The high civil service corps in the last period of the multi-ethnic Empire between national and imperial loyalties // *Historical social research*. 2008. Vol. 33. N 2. P. 193–213.
- Winkelbauer Th.* Ständefreiheit und Fürstenmacht. Länder und Untertanen des Hauses Habsburg im konfessionellen Zeitalter. Wien, 2003. T. 1. (Österreichische Geschichte / Hrsg. von H. Wolfgram).

Sources

- 1000–2003 ezer év története. <http://www.1000ev.hu/index.php>
- CJH. – Magyar törvénytár. 1000–1895. Bp., 1900. 1608.–1657. évi törvénycikkék.
- Doderer Kh., von.* Izbrannoe. Sbornik/ Per. N. Man. M., 1981.
- Handbuch aller unter der Regierung des Kaisers Joseph des II. für die K. K. Erbländer ergangener Verordnungen und Gesetze in einer sistematischen Verbindung enthält die Verordnungen und Gesetze vom Jahre 1780 bis 1784. Fünfter Band. Wien, 1786.
- Kafka F.* Protsess / Per. R. Rait-Kovalevoi, G. Snezhinskoi. Spb., 2014.
- Kassics I.* Praxis politica civilis et stylare politicorum Latino-Hungaricum... Posonii, 1827.
- MNL OL. A 39. Magyar Királyi Kancellária. Acta generalia.
- MNL OL. A 57. Magyar Királyi Kancellária Levéltára. Királyi Könyvek (Libri Regii).
- MNL OL. A 79. Magyar Királyi Kancellária Levéltára. Index Individuorum.
- MNL OL. P 1058. Kisebb testületi, egyesületi és intézményi fondok. Szent István Rend.
- Muzil R.* Cheolvek bez svoistv / Per. S. Apta. M., 1994. Kn. 1–2.
- ÖStA. FHKA. HFU.
- ÖStA. FHKA. UC.
- ÖStA. HHStA. OMaA. Testamente.
- Pezzl J.* Neue Skizze von Wien. Wien, 1812.
- Rot J.* Marsh Radetskogo / Per. N. Man. M., 2001. http://www.lib.ru/INPROZ/ROT_J/marsh_radeckogo.txt (data poslednego poseshcheniia 1.VIII.2015).
- Regium Theresianum Collegium nobilium anno 1770. Viennae, 1770.
- Sammlung aller k.k. Verordnungen und Gesetze vom Jahre 1740 bis 1780., die unter der Regierung des Kaisers Josphs der II. theils noch ganz bestehen, theils zum Theile abgeändert sind, als ein Hilfs- und Ergänzungsbuch zu dem Handbuche aller unter der Regierung des Kaisers Joseph des II. für die k.k. Erbländer ergangenen Verordnungen und Gesetze in einer chronologischen Ordnung: in 8 Bde. Wien, 1786.
- Schuselka F.* Ist Österreich Deutsch? Statistische und glossirte Beantwortung dieser Frage. Leipzig, 1843.
- Schwartner M.* Statistik Königreichs Ungern. Ofen, 1809². Teil 1. S. 118–119
- Sonnenfels J. von.* Über die Liebe des Vaterlandes. Wien, 1771.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ / ABBREVIATION

CJH – Corpus Juris Hungarici – Magyar Törvénytár.
FHKA – Allgemeines Verwaltungs-, Finanz- und Hofkammerarchiv
HFU – Hoffinanz Ungarn
HHStA – Haus-, Hof- und Staatsarchiv
MNL OL – Magyar Nemzeti Levéltár Országos Levéltára, Budapest
OMaA – Oberhofmarschallsamt
ÖC – Österreichisches Camerale
ÖStA – Österreichisches Staatsarchiv, Wien.
UC – Ungarisches Camerale

REFERENCES

- Bahr H.* Wien. Stuttgart, [1907].
- Bart F.* Predislovie // Etnicheskie gruppy i sotsialnye granitsy. Sotsialnaya organizatsiya kulturnykh razlichii/ Pod red. F. Barta. M., 2006.
- Beales D.* Joseph II: In the Shadow of Maria Theresa. Cambridge, 1987.
- Belobratov A.V.* Protsess «Protsessa»: Franz Kafka i ego roman-fragment // *Kafka F.* Protsess. 2014.
- Chaki M.* Ideologiya operetty i venskyi modern. Kulturno-istoricheskij ocherk. Spb., 2001.
- Deák I.* Cause for despair? (Some remarks ont he mood of pessimism in the late Habsburg Monarchy) // Polgárosodás Közép-Európában. Tanulmányok Hanák Péter 70. születésnapjára / Szerk. É. Somogyi. Bp., 1991. 87–96. old.
- Dickson P.G.M.* Finance and Government under Maria Theresa 1740–1780. Oxford, 1987. Vols. 1–2.
- Evans R.J.W.* The making of the Habsburg Monarchy, 1550–1700: An interpretation. Oxford, 1979.
- Evans R.J.W.* Frontiers and national identities in Central-European History // *Evans R.J.W.* Austria, Hungary and the Habsburgs. Central Europe, c. 1683 – 1867. Oxford, 2006.
- Faragó T.* Az első magyarországi népszámlálás fennmaradt forrásanyaga (egy forráskiadási munka tanulságai) // Demográfia. 2010. 4. sz. 315–355. old.
- Godsey W.D., Jr.* Quarterings and Kinship: The Social Composition of the Habsburg Aristocracy in the Dualist Era // *The Journal of Modern History.* 1999. Vol. 71. N 1. P. 56–104.
- Ingrao Ch.* The Habsburg Monarchy 1618–1815. Cambridge, 2000. *Belobratov A.V.* Protsess «Protsessa»: Franz Kafka i ego roman-fragment // *Kafka F.* Protsess. 2014.
- Islamov T.M.* Ot «natio hungarica» k vengerskoi natsii // U istokov formirovaniya natsij v Tsentralnoi I Zugo-Vostochnoi Evrope, Obschestvennoe razvyitie I genesis natsionalnogo samosoznaniya / Otv. red. A.S. Mylnikov. M., 1984. S. 40–59.
- Heindl W.* Gehorsame Rebellen. Bürokratie und Beamte in Österreich 1780 bis 1848. Wien; Köln; Graz, 1991.
- Heindl W.* Josephinische Mandarine. Bürokratie und Beamte in Österreich. Band 2: 1848–1914. Wien, 2013.
- Hye H.P.* Die Länder im Gefüge der Habsburgermonarchie // Die Habsburgermonarchie 1848–1918 / Hrsg. von P. Urbanitsch. Bd. VII. Verfassung und Parlamentarismus. Wien, 2000.
- Kageneck A., Graf von.* Das Ende der vorderösterreichischen Herrschaft im Breisgau. Freiburg 1981.
- Kann R.A.* A history of the Habsburg Empire, 1526–1918. Berkley; Los Angeles; London, 1980.
- Khavanova O.V.* Natsiia – otechestvo – patriotism v vengerskoi politicheskoi kulture: dvizhenie 1790 goda. M., 2000.

- Khavanova O.V.* Sotsialnoe voskhozhdenie i integratsiya v politicheskie elity monarkhii Gabsburgov XVIII v. // Avstro-Vengriia, Tsentralnaya Evropa i Balkany (XI–XX vv.) / Otv. red. I.V. Kryuchkov, S.A. Romanenko, A.S. Stykalin. SPb., 2011. S. 144–157 (Rossijsko-Avstrijskij Almanakh. Istoricheskie i kulturnye paralleli. Vyp. 4).
- Khobsbaum E.* Natsii i natsionalizm posle 1780 g.: programma, mif, realnost. SPb., 1998.
- Kleinwächter F.* Der Untergang der Oesterreichisch-ungarischen Monarchie. Leipzig, 1920.
- Klingenstein G.* Revisions of enlightened absolutism: «The Austrian Monarchy is like no other» // The Historical Journal. 1990. Vol. 33. N 1. P. 155–167.
- Klueting H.* «Bürokratischer Patriotismus». Aspekte des Patriotentums im thesesianisch-josephinischen Österreich // Patriotismus / Hrsg. von G. Birtsch. Hanburg, 1991 (Aufklärung. Jg. 4. Hf. 2). S. 37–52.
- Marczali H.* Hungary in the eighteenth century. Cambridge, 1910.
- Miskolczy A.* ‘Hungarus Consciousness’ in the Age of Early Nationalism // Latin at the Crossroads of Identity: The Evolution of Linguistic Nationalism in the Kingdom of Hungary / Ed. by G. Almási, L. Šubarić. Leiden; Boston, 2015.
- Mylnikov A.S.* Narody Tsentralnoi Evropy: Formirovanie natsionalnogo samosoznaniya XVIII–XIX vv. SPb., 1997.
- Pukanszky B.* «Patrióta» és «hazafi»: fejezet a magyarországi német irodalomtörténetéből. Bp., 1933.
- Stimmer G.* Eliten in Österreich, 1848–1970. Wien; Köln; Graz, 1997. (Studien zu Politik und Verwaltung / Hrsg. von Ch. Brünner, W. Mantl, M. Welan. Bd. 57/1).
- Tantner A.* Die Quellen der Konstruktion // Quellenkunde der Habsburgermonarchie (16.–18. Jahrhundert) Ein exemplarisches Handbuch / Hrsg. von J. Pauser, M. Scheutz, Th. Winkelbauer. Wien; München, 2004. S. 196–204. (Mitteilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung. Ergänzungsband 44).
- Urbanitsch P.* The high civil service corps in the last period of the multi-ethnic Empire between national and imperial loyalties // Historical social research. 2008. Vol. 33. N 2. P. 193–213.
- Winkelbauer Th.* Ständefreiheit und Fürstenmacht. Länder und Untertanen des Hauses Habsburg im konfessionellen Zeitalter. Wien, 2003. T. 1. (Österreichische Geschichte / Hrsg. von H. Wolfgram).
- Yasi O.* Raspad Gabsburgskoi monarkhii. M., 2011.
- Хаванова Ольга Владимировна*, доктор исторических наук, зам. директора Института славяноведения РАН; austrian.centre.inslav@gmail.com.

Bureaucracy in the eighteenth-century Habsburg Monarchy: constellations and juxtapositions of identities

The article strives to reconstruct features of group identities which both unified, and juxtaposed the administrative elites of the Habsburg Monarchy in the second half of the eighteenth century, when the project of constructing of a supra-national Austrian identity – which later would be basic for the leading centripetal forces, the aristocracy, army and bureaucracy – took its origin. The reconstruction is pursued against the background of the image of the bureaucracy as it had been depicted in the Austrian literature, and comprehensive theoretical works on Austria-Hungary.

Keywords: Habsburg Monarchy, bureaucracy, identities, literature.

Khavanova Olga, Dr.Sc. (History), deputy-director of the Institute of Slavic Studies, RAS; austrian.centre.inslav@gmail.com